

There are no translations available.

Білий В.П.

поет

[Біографія](#)

м. Нікополь, Україна

На дорогах земных и небесных (Проза)

Из книг «Живой этики»:

“...Планета совершает круг, который приводит завершению. Приходит время, когда каждое начало должно выявить весь свой потенциал. Эти круги рассматриваются в истории как падение или расцвет. Но нужно принять ритмы именно как торжество Света или Тьмы. Настало время, когда планета приближается к такому кругу завершения, и лишь самое насыщенное напряжение потенциала даст победу...”

“...Зерно духа как бы нуждается в ударах укрепляющих. Мертвенное благополучие и прожигание бесцельное жизни – действие, противное природе. Люди не могут постигать целительного свойства подвигающих ударов, как бы разрядов двигателей. Вспышки энергии двигают человечество. Нужно познать, насколько начинает действовать Агни лишь при движении энергии. Можно наблюдать много примеров в природе, но люди предпочитают изъять себя из закона единства. Правда, что без понимания будущего удары-двигали не понятны. Они могут порождать сетования и уныние. Потому так нужно постижение основ самоусовершенствования для великого будущего. При ударах-двигателях особенно трудно познать их истинное значение. Но начало подвига

есть уже признание их. Пусть не забудем формулу ударов-двигателей ”.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Фантастический рассказ

Чуть заметная извилистая дорога долго кружила по лесу, уходила все дальше вглубь и, наконец, вывела его на давнишнюю, заброшенную вырубку. Между редкими молодыми березами и лиственницами, в густо разросшихся зарослях ежевики, покоились большие наполовину истлевшие стволы, спиленных когда-то деревьев. Что помешало их вывезти вовремя – неизвестно.

Солнце уже начинало клониться к закату и его косые лучи полосами пробивались сквозь желтую пелену листвы окружающего леса. Стояла какая-то удивительная тишина. Даже на верхушках не было заметно движения. Покой нарушал лишь еле слышимый шелест опадающих изредка листьев.

Осень. Грибная нынче выдалась на Полесье осень. И Николай, выбирая каждый удобный час пропадал в лесу. Ему на редкость везло. Грибы попадались почти на каждом шагу, хотя к ним он испытывал двоякое ощущение, все казалось, что они таят какую-то опасность. В то же время, глаза, как бы сами натывались на них и вовсе не надо было искать. Но не это влекло его.

В последние дни какое-то смутное беспокойство время от времени овладевало Шпаковым. На работе все валилось из рук, дома тоже не находил себе места: часами слоняясь из угла в угол. А ночью, внезапно проснувшись, долго лежал с открытыми глазами, с неясной тревогой вслушиваясь в окружающую темноту. Рядом тихо посапывала жена, и Николай, боясь разбудить ее, лежал неподвижно. Слышно было как в сарае шумно вздыхала корова да время от времени тихонько возился поросенок. Но все это были знакомые, можно сказать, неотъемлемые от него, Николая, звуки. И успокоившись, он снова засыпал.

Выросший в Полесской глухомани на отдаленном лесном хуторе, насчитывающем с десяток дворов, Шпаков, в отличие от большинства своих сверстников, по окончании школы никуда не уехал, а так и остался жить в доме своих старых родителей. Отслужив армию, принесшую ему много огорчений и разочарований в окружающих его там людях, вернулся опять домой и решил, по его выражению, больше «никуда не высовываться», а жить тихой, незаметной и по мере сил спокойной жизнью.

На много километров отдаленный от «благ» цивилизации Николай смутно представлял себе обстановку происходящего в мире – газеты попадались редко, телевизор смотрел от случая к случаю, да и то любил в основном фильмы. Все остальное считал очень далеким, его, Шпакова, уму не постигаемым, а значит, и не его делом. И если Николая иногда просили высказать свое мнение по тому или иному событию, происшедшему на мировой политической арене, то он, сам среднего роста, широким жестом руки откидывал со лба свою выгоревшую на солнце шевелюру и подчеркнуто непонимающими глазами, сидевшими на остроносом, узком лице, смотрел на собеседника. При этом он старался придать своему лицу выражение, которое неоднократно, перед зеркалом, когда дома никого не было, отработывал. Выражение загадочности и многозначности. А потом, словно спохватившись, ссылаясь на появившиеся вдруг неотложные дела, и быстро исчезал.

Любое происшествие, в которое по той или иной причине Николай был замешан, он расценивал только по количеству свидетелей. Чем больше видевших, тем больше он сам верил в то, что с ним действительно было, но если же никто не видел, то ему и самому казалось, что в действительности ничего не было. Порой доходило до абсурда. Уже на самой свадьбе от него чуть не ушла невеста – и все от того неверия. Потом все как-то образовалось и вот уже третий месяц его семейная жизнь, по его словам, находится в полном обоюдном согласии.

Став семейным человеком, Шпаков решил деятельно заняться обустройством своего дома и – самое основное – с размахом вникнуть в хозяйственные дела.

Вскоре во дворе закрикали многочисленные утки и закудахтали куры. В сарае, за

перегородкой повизгивал, требуя еды, поросенок. Корову, как свадебный подарок, еще раньше отдали мать с отцом. Правда, много времени занимал обширный огород большую помощь во всех его делах оказывала ему жена и Шпаков уже начал носиться с радужными мыслями о том, как он прикупит на первый случай еще пару, а то и больше, поросят, как они подрастут и сколько он получит за них при продаже. И если все пойдет так, как он задумал, то можно в дальнейшем заняться только откормом свиней и их продажей, получая при этом – он даже приблизительно подсчитал – немалый доход. Работая в столярной мастерской неподалеку, он часто прибегал домой и тщательно проверял, как себя чувствуют и как ведут себя его многочисленные питомцы. Залазил в курятник и долго шарил по гнездам, выискивая яйца и вызывая переполох среди наседок. Заходил в сарай и, перегнувшись за перегородку, с блаженной улыбкой почесывал за ухом довольно похрюкивающего поросенка. Расспросив жену, во сколько точно она выгнала корову пастись, и кто при этом присутствовал, снова бежал обратно, весело оглядываясь по сторонам и рисуя заманчивые планы на будущее – пока только на ближайшее.

А будущее в его воображении начало вырисовываться все более яркими красками и Шпаков уже начал подумывать, что по его предположениям, в ногах у него начала уже прощупываться некая твердость. Пройдет еще совсем мало времени, уверял он себя, совсем чуть-чуть – и под явственно окрепшими ногами он тоже ощутит благодатную твердую почву. А так как Николай считал себя человеком довольно-таки неглупым, то был уверен, что может с размахом вести подобного рода дела. Так было.

Теперь, вот уже несколько дней кряду, он с удивлением и страхом чувствовал, как что-то не его, именно не его, не Шпакова, не родное, а пришедшее откуда-то извне, чужое, с каждым разом все настойчивей вплетается в привычный ход его мыслей. В такие минуты перед внутренним взором у него выплывали, одна за другой, две полупрозрачные, колеблющиеся слегка картины: черное, усеянное яркими точками звезд небо и небольшой участок леса, чем-то знакомый. Видения появлялись вечерами в одно и то же время.

Небо, а тем более звезды, никогда раньше не интересовали Шпакова и было чем-то абстрактным, выходящим за рами окружающего мира. Никакой пользы в этом он не видел. А вот лес... Лес-другое дело. Грибы, ягоды, дерево. Да мало ли чего! Человеку, выросшему в лесу, не надо объяснять, что такое лес.

Поначалу Николай боялся этого «наваждения» как бы рождающегося у него в мозгу. Думал, что сходит с ума. Но, не испытывая при этом никаких неприятных ощущений, постепенно привык, решив про себя никому об этом не говорить. Даже жене. Хотя и привык уже ничего от нее не скрывать. Все равно никто не поверит. А то еще и посмеиваться начнут. Нет, пусть уж лучше это будет его маленькой тайной. К тому же он понял, что у него появилось нечто такое чего ни у кого больше нет. И когда изображения в очередной раз появлялись, Шпаков почти с удовольствием их рассматривал. Потом... потом к нему все чаще начало приходить желание найти это место в лесу. Тем более местность казалась знакомой, и он знал куда идти.

Стояла осень, была грибная пора и каждое удобное для этого время он проводил в лесу, удивляя родных и знакомых, привыкших видеть его вечно чем-то занятым во дворе.

Его дорогая половина сначала удивлялась, а потом начала потихоньку сердиться.

– Что ты все ищешь в лесу? – как-то, словно невзначай, спросила она.

– Ничего я не ищу, хожу за грибами.

– Раньше, ты почему-то не так ходил, а теперь сразу после работы все норовишь улизнуть в лес.

– Да ничего я не норовлю, просто грибов сейчас много и надо побольше заготовить. Ты ведь зимой любишь соленые грибы? К тому же тебя скоро может и на кисленькое потянуть. Она поняла намек и еще больше расстроилась:

– Об этом ты помнишь, а всю домашнюю работу на одну меня свалил. Думаешь, мне легко? Грибы грибами, но ведь надо же хоть немного помогать! Что с тобой творится? – Она расплакалась – В последнее время ты сам не свой ходишь! Что тебя мучает? Почему ты мне не скажешь? Я ведь вижу!

Что он мог ответить? Рассказать, как что-то неудержимо тянет его в лес? Шпаков и сам уже не раз собирался бросить это занятие, да вот только не получается что-то никак. Желание найти с каждым днем все больше крепнет и как магнитом тянет его на новые поиски. Зачем еще и ее посвящать в эти, для него самого непонятные, дела. Расскажи – так будет смотреть как на помешанного. Лучше взять себя в руки и молчать.

Выдержки ему хватило на два дня. На третий, во второй половине дня, сразу после работы, захватив корзину и никому ничего не сказав, спешно подался в лес. Совсем в противоположную от предыдущих поисков сторону.

Лес Николай знал неплохо и его все удивляло, что картина вроде бы знакомая, а найти не может. Но ведь надо, надо найти, твердил кто-то внутри. И Шпаков искал. Искал... сам не зная зачем.

И вот теперь, выбравшись в очередной раз он набрел-таки на почти невидимую в траве и угадываемую только по признакам дорогу, которая, в конце концов и вывела его на старую вырубку.

И тут он стал как вкопанный. Некоторое время осматривался, не веря своим глазам, хотя и ждал этого.

Картина, представшая перед ним, очень напоминала ту, что являлась ему вот уже несколько раз. И не то, что напоминала, а до мельчайших деталей отвечала тому внутреннему изображению.

Настороженно осмотревшись, Шпаков, переступая через бревна и обходя большие старые пни, медленно пошел вперед, осторожно пробираясь в зеленых зарослях ежевики, которая расплзающимся колючим ковром заполонила большую часть открытого пространства.

Ничто не нарушало тишину. Какой-то покой царил вокруг. Ни о чем не хотелось думать.

В это время опять родилось у него внутри изображение леса, медленно выплыло наружу, повисло перед ним, как бы для сравнения с настоящим – и вдруг, беззвучно вспыхнув, ослепительными разноцветными искрами разлетелось вокруг него.

Ошеломленный и полуослепший от неожиданности. Шпаков невольно отступил назад, запутался в зарослях травы и не удержавшись, не сел, а чуть ли не упал на оказавшийся позади пень. В глазах плавали черные пятна, выступали слезы, и он долго протирал их, стараясь хоть что-то разглядеть. Наконец все исчезло, и Николай вновь обрел способность видеть. Было все также тихо. Неслышно даже привычного птичьего гомона. Не было заметно и самих птиц, своим присутствием обычно заполняющих всю округу.

Ему стало хорошо и спокойно. В душе было ощущение какой-то законченности. Чувство чего-то очень важного, наконец-то, достигнутого и в то же время... ожидания. Еле заметная напряженность ожидания.

Если бы Шпакова спросили, почему он вот уже битый час сидит на пне, не двигаясь, в этом глухом закутке и чего ждет, то вряд ли он нашел бы что ответить.

Солнце все ниже клонилось к закату, проглядывая сквозь высокие верхушки деревьев. По пустынному небу, подсвеченное его лучами, медленно плыло небольшое серое облако непривычного зеленоватого оттенка. Потом остановилось и начало незаметно опускаться вниз.

Легкое потрескивание вывело Шпакова из оцепенения и он, словно проснувшись, с удивлением осмотрелся по сторонам, потом вверх – и похолодел. Прямо над ним, закрывая своими краями почти всю прогалину, висело облако непроницаемого тумана или дыма, если его можно было так назвать. Нижняя часть была серого цвета с какими-то неуловимо зеленоватыми переливами. Верхней части он не видел. Вся поверхность находилась в постоянном движении, подчиняясь какому-то пульсирующему ритму. В одном месте пробегала рябь, словно по поверхности воды от дуновения легкого ветерка, в другом, что-то внезапно начинало клубиться и там, время от времени, с негромким треском, белыми ломаными змейками проскакивали маленькие быстрые молнии.

При виде такой невесты откуда взявшейся шевелящейся громадины – первым побуждением Николая было убежать. Убежать подальше, сломя голову, без оглядки, что есть мочи!

Но, тут что-то всколыхнуло его, и этот толчок волной прокатился по нему, эхом отдаваясь по всем закоулкам его души. В ушах запела на высокой ноте невидимая струна и все тело его словно одеревенело. И как он ни хотел, но сдвинуться с места никак не мог. С большим трудом ворочая шеей, Шпаков заметил, что облако не стоит на месте, а медленно снижается, уже закрыв от него просвечивающие сквозь деревья лучи солнца. Края его вытянулись и коснулись кустов. В самом центре, прямо над головой,

образовалось большое круглое отверстие, и какая-то сила подняла Шпакова, потерявшего от страха всякую способность соображать, и быстро втянула вовнутрь.

* * *

Течение невидимой реки все дальше уносило Шпакова в непроглядную темень ночи. В бескрайней черноте неба колючими немигающими ростками, одна за другой, медленно проклевывались звезды. Скоро их стало столько, что своим отражением они заполнили все зеркало реки.

Тела он не ощущал. Нигде не раздавалось ни звука. Только ночь, тишина и звезды. Какое-то время он плыл в их отражении, затем поднялся над водой и так, поднимаясь все выше, полетел к настоящим светилам. Невиданная доселе мощь бушевала в нем. Усилием воли поднимая себя все выше и выше, он негаснущим метеором несся вперед, все вперед к приближающимся звездам. И вдруг, от самой ближайшей из них в мгновение ока вытянулось к нему ослепительное тонкое лезвие луча и больно ужалило в сердце. Боль была настолько сильной, что он вскрикнул и... открыл глаза.

– Очнулся, – полушепотом прошелестел возле него ровный, лишенный всяких интонаций, голос. Никого не видя он решил, что это ему почудилось. Туманная дымка, застилающая глаза, понемногу рассеялась и Николай увидел, что лежит в небольшом помещении с низким полукруглым потолком. Прямого источника света не было, но неярким освещением, казалось, был пронизан весь воздух. Пошевелившись и не почувствовав никакой боли, он приподнялся и сел на некоем подобии кушетки или топчана, покрытом мягким пористым материалом. Кроме кушетки в маленьком помещении больше ничего не было. Отсутствовали также все острые углы. Стены и пол тоже были покрыты таким же мягким материалом. Все вокруг имело однообразную светло-зеленую окраску.

– Очнулся, – снова слышался шелест-полусшепот.

Быстро убрав ноги с пола, Шпаков с силой вжался между стеной и кушеткой и затравленно оглянулся. Как и прежде, никого не было, но на этот раз ему не слышалось. Это уж точно! Страх железными клещами сдавил ему горло. Холодная испарина выступила на лбу, а между лопаток медленно поползла ледяная струйка.

– Где я? Куда я попал? – просипел он. Потом откашлялся и уже своим голосом повторил:

– Где я?

– Не бойся, – прошелестел голос.

– Кто вы такие? Что вам от меня нужно? Куда я попал!? – прижавшись к стене, бросал Шпаков в пустоту.

– Не бойся, – опять повторил голос, – успокойся, твоя нервная система очень напряжена и если ты не стабилизируешь свое состояние, то это может быть плохо для твоего организма. В таком состоянии нам трудно с тобой контактировать.

Последнюю фразу Голос повторил несколько раз. Клещи, сжимавшие горло, постепенно ослабели, а затем пропали совсем. Страх перед неведомым притупился, пришла какая-то отрешенность и в то же время начало просыпаться чувство робкого любопытства.

– Состояние твое улучшилось, – снова слышался Голос, теперь ты можешь принять предназначенную тебе информацию. Как ты воспримешь и как осмыслишь – зависит от уровня твоего интеллектуального развития, от тебя самого. От твоего решения зависит также твое дальнейшее существование. Захочешь ли ты пойти по пути, который укажем мы или останешься на том, по которому идешь в данное время – зависит от тебя.

Сжавшись в комок, стиснув побелевшими пальцами край сиденья, Николай ошалело озирался по сторонам, стараясь увидеть говорившего. Смысл сказанного с трудом доходил до него. «Кто они такие? Что со мной хотят сделать?» – билось у него в мозгу.

Наконец он не выдержал и поддавшись вновь накатившей волне страха, закричал:

– Что вам от меня нужно?! Отпустите!

– Мы надеялись на твое самообладание и не применили успокаивающих средств. Веди себя хотя бы как человек. У нас мало времени, – прошелестел Голос.

На слове «человек» было сделано какое-то особое ударение так, что Шпаков внезапно

успокоился.

– Теперь ты опять в состоянии слушать и решать, – продолжал Голос. – Ваша планета давно, можно сказать, несколько тысячелетий, по вашим меркам времени, находятся под нашим наблюдением. Кто мы – тебе это мало что скажет. Считай нас цивилизацией, на миллионы лет опередившей вашу в развитии.

Сейчас у вас на планете назревает экологическая катастрофа. За короткий промежуток времени исчезли многие виды низших существ и растений.

Если вы не успеете изменить свою технологию развития на такую, что не отравляет вашу биосферу, то, по нашим прогнозам, вывод будет неутешительный. Планета умирает. Вместе с ней исчезнете, и вы как вид разумной расы. Процесс уже начался. Появилось много неизвестных ранее вам болезней. Лекарства не помогут. Сама среда, в которой вы живете, убивает вас.

Чтобы ваша раса носителей разума не исчезла, как это не раз случалось на других планетах Галактики, нами было принято решение. После тщательного отбора, часть землян, физически и генетически здоровых, переселить на другие планеты, не занятые разумными расами и по своим природным данным соответствующих жизненным условиям землян. Там они могли бы основать новую цивилизацию с иными взглядами на человеческие ценности и на развитие человека разумного в целом. Такая планета уже есть. Разумной жизни там не обнаружено, но растительный и животный мир существует. По своей характеристике она очень близка вашей, хотя намного моложе.

Посмотри.

На противоположной стороне стенки возник небольшой прямоугольный экран, на котором появилось черное, усеянное звездами небо. Что-то знакомое было в расположении звезд. Шпаков присмотрелся. Это было то самое изображение, которое полупрозрачным фантомом неоднократно рождалось у него в мозгу.

– Узнаешь? Каждому кандидату на переселение мы вложили в память код, состоящий из двух программ. Первая: найти место, указанное там для встречи, на второй указан мир, куда будет переброшен кандидат для дальнейшей жизни. Выбор пал также и на тебя. Первую программу ты выполнил – прибыл на место встречи, и она из тебя изъята. Вторая находится пока в тебе...

В это время на экране одна из звезд начала быстро приближаться и расти, превратившись в большую голубоватую планету, заполнила весь экран, пропала. Совсем близко, с высоты птичьего полета, появилась поверхность, покрытая изумрудной зеленью леса, который кое-где прорезывали извилистые ленты рек. Затем лес сменился степью с высокой травой, по которой волнами гулял ветер. Вдалеке, поодиночке и группами, бродили невиданные животные, отдаленно напоминающие буйволов. Промелькнула пустыня, покрытая чахлым кустарником. Дул сильный ветер, вздымая облака песка и пыли. Взметывая вверх все, что попадалось на пути, промчался внезапно родившийся вихрь.

Тяжелые волны лениво накатывали на пологий берег и с монотонным шорохом уползали обратно. Широкая полоса белого девственно чистого песка простиралась вдоль берега и уходила к горизонту.

Экран заскользил дальше над морем. Внезапно водную гладь вспороли огромные плавники с острыми шипами. Они то сближались, то отдалялись. Потом из воды на тонких змеиных шеях появились две головы с горящими навывкате глазами. Разинутые пасти украшали огромные черные клыки. Сцепившись между собой, они опять пропали под водой.

Непроходимые джунгли заполнили экран. Невиданные раньше существа то появлялись, то снова растворялись в чаще. Жуткого вида и устрашающих размеров, они скользили, семенили и тяжело чавкали в болотной жиже. Солнце почти не пробивалось сквозь густые кроны деревьев. В парившем здесь черном полумраке постоянно разыгрывались кровавые трагедии, финалом которых была чья-то оборванная жизнь.

Как бы с облегчением вырвавшись из этой преисподней, экран взлетел над заснеженными горными пиками. Вдалеке на вершине одной из гор поднимался высокий столб черного дыма, озаряемый огненными вспышками... Вулкан! Багрово-красные языки лавы медленно сползали вниз.

Внизу, скрытая от внешнего мира кольцом снежных гор, зеленела большая долина. Голубыми окошками поблескивали на солнце разбросанные по ней озера.

Экран начал снижение. Прежде незаметные, появились затем сливающиеся с местной растительностью обширные светло-зеленые купола построек, разбросанные у озер. Экран медленно погас.

– Это твой будущий мир, – снова зазвучал Голос. – В этих постройках пока никто не живет. Переброска скоро начнется. Все зависит от инициативы твоей и остальных отобранных. Мы показали тебе новый мир и условия существования в нем. Ваша задача – из поколения в поколение постепенно обжить всю планету, основав новую цивилизацию земной расы, не повторяя при этом ошибок Земли. Запомни: на тебя и остальных возложена очень ответственная миссия. Насильно мы никого не забираем, нужны только добровольцы. Большая часть из обозначенных нами уже согласилась. Как ни странно, большой перевес в добровольцах имеют женщины. Мужчины соглашаются крайне неохотно. Равновесия пока не получается.

Теперь слово за тобой. Согласен ли ты на переселение и быть основателем цивилизации земной расы в новом мире? Умолк шелестящий Голос, томительно истекли минуты, а Шпаков все сидел, скрючившись на кушетке, бездумно уставившись на то место, где был экран и молчал. Молчал не потому, что боялся или затруднялся сказать «да» или «нет», а потому, что до сих пор не мог прийти в себя. Все не верилось в реальность происходящего. Ему очень хотелось, чтобы это был сон. И очень хотелось поскорее пробудиться. А «сон», вопреки всем его стараниям, все продолжался и конца ему пока не предвиделось.

Чтобы как-то оправдать свое молчание, Николай, впервые за время пребывания здесь, поднялся и на негнущихся дрожащих ногах медленно прошел от одной стенки к другой, потом обратно. Рассудок его был на пределе, и он еле удерживал себя от того, чтобы не начать по-звериному метаться в поисках выхода и орать благим матом, умоляя выпустить. Не в силах сразу воспринять ситуацию, он почти ничего не запомнил из переданного ему. Все слова прошли через него как сквозь сито, оставив в памяти лишь еле заметный, непонятный ему след. Он вспомнил свою молодую жену, свой уютный дом, хозяйство – и ему так захотелось туда, в этот до боли родной и до мелочей знакомый свой, именно свой, мирок, что у него тоскливо сжалось сердце, а чувство непоправимой утраты накатило с такой силой, что он коротко взвыл и уже не владея собой, принялся беззвучно колотить кулаками в мягкую обивку стены.

– Почему я?! Никуда я не хочу! Других мало? Отпусти-те! Мне домой, пора-а! – выкрикивал он, – и почему именно я?!

Шпаков еще долго суетился, бессвязно выкрикивая то просьбы, то ругательства, то оправдания, наконец силы оставили его и он, тяжело дыша, упал на пол. Его взгляд бессмысленно скользил по потолку, по стенам. «Бледно-зеленый цвет повсюду и даже освещение того же цвета. А может, это от зеленоватого света такой цвет повсюду. Так что же зеленое – свет или цвет? Что за мысли лезут в голову! Сколько времени я уже здесь? Как там дома?»

Томительно тянулось время... Понемногу Николай начал приходить в себя. Страх уже не было. Наверное, ушел вместе с криком. А кричать он уже устал. И вообще – от всего устал. Эта тишина, гнетущая, давящая, могильным холодом отдающая тишина... И никуда от нее не убежать! Такое впечатление, словно внутренне растворяешься в этой тишине. Да, когда же все это закончится? Почему с ним больше не разговаривают? Что они еще задумали? Нет, надо что-то делать.

Он приподнялся, сел. Наконец осмелился.

– Почему молчите? – звук казался чужим словно не его.

– Мы слушали тебя, – неохотно отозвался Голос. – Как теперь выяснилось, лететь ты не

имеешь желания. В таком случае придется тебя отпустить. Повторяю: нам нужны только добровольцы, в особенности мужского пола. У тех, кто отказался, мы стираем с памяти все сведения о нас и отпускаем. Никакого осуждения к ним у нас нет. Эти люди просто не готовы к подобного рода делам. Ты оказался тоже не готов. Как ни жаль, но мы на тебя надеялись больше, чем на других.

В бесстрастных звуках Шпакову и впрямь почудились нотки сожаления.

– В тебе скрыты такие возможности, о которых ты и не подозреваешь. Но развить их можно только там, в новой среде обитания, в новом мире. Сама планета устроена так, что у человека земной расы, оказавшегося там, со временем начинают раскрываться заложенные природой особенности – способности, которые никогда бы не проявились на Земле. Человек как бы расцветает целым букетом невиданных возможностей. Это левитация, телепатия и еще многое другое. В тебе же самом, кроме названного, было выявлено еще одно, очень редкое качество, говорить о котором не будем в связи с твоим отказом. Оговоримся только, что освоение нового мира с твоим участием пошло бы куда более быстрыми темпами. И потому твой отказ и твое нежелание понять предназначающуюся для тебя миссию нас искренне огорчает. Но мы прозондировали твое ближайшее будущее и по некоторым признакам определили, что ты для нас еще не потерян. Сама жизнь заставит тебя в корне изменить решение. Поэтому, стирать память пока не будем. Вторую программу тоже оставим и будем терпеливо ждать, пока ты придешь к безоговорочному решению прийти к нам и принять утвержденную для тебя Высшим Космическим Советом ведущую роль в дальнейшем эволюционном развитии земной расы. Решай – и мы придем к тебе.

Умолк тихий голос, опять наступила тишина. Шпаков сидел на полу и что есть силы напрягая свой, не привыкший к подобного рода информации мозг, пытался понять смысл вышеизложенного. Наконец до него дошло.

– Меня отпустят! – он радостно вскочил. – Но когда?! – его взгляд суетливо зашарил по стене, пытаясь предугадать, где появится выход. Но тот не показывался, и Николай, приплясывая нетерпения, сам начал искать невидимую «дверь», ощупывая стены и даже потолок.

Внезапно пол под ним пропал. Прямо под собой он увидел разросшийся, усеянный оранжево-красными плодами куст шиповника, неизвестно откуда взявшийся – и, не успев ничего сообразить, ухнул в самую гущу его колючек.

Удар о землю на миг лишил его сознания, но боль от впившихся со всех сторон иголок вернула его к действительности.

* * *

Когда с большим трудом Шпаков наконец выбрался из куста, рубашка висела на нем ключьями, все тело было исцарапано но и исколото, куртка куда-то пропала. Но Николаю было не до этого. Путаясь в зарослях ежевики и перепрыгивая через бревна, он, пригнув голову, словно боясь зацепиться за «облако», все так же висевшее над ним, быстро, как только мог, помчался к выходу из вырубki. По пути мельком увидел свою корзину для грибов, но в спешке не стал ее подбирать. Вот! Наконец-то! Дорога!! Не оглядываясь, что есть силы припустил по ней... Давно скрылась за поворотом вырубка, а Николай все бежал, задыхаясь и спотыкаясь по петлящей, усеянной выбоинами дороге. И только тогда, когда из-за очередного поворота ему и упор выстрелило в глаза клонившееся к самому горизонту солнце, Шпаков, словно наткнувшись на что-то, остановился. Натужно и с хрипом широко раскрытым ртом ловя воздух, медленно опустился у обочины, тяжело привалившись к широкому белому стволу березы. По телу разлилась неприятная слабость. Деревья, кусты, дорога – все плыло, кружило перед ним в однообразном призрачном хороводе.

– Все, все, все, – с тяжелыми выходами гулко сотрясало все тело сердце, – все, все, все, закончилось, ушел, ушел, выдрался! Что же это было?!

Он чувствовал себя так, словно его здорово укачало. К горлу откуда-то снизу тяжелым липким комом начала подкатываться тошнота, и Николай, находясь на грани обморока, задыхаясь и захлебываясь, вырвал. В глазах прояснилось, кружение постепенно остановилось, только слабость еще давала о себе знать...

Подождав, пока дыхание успокоится, Шпаков с трудом поднялся и только сейчас

почувствовал, как болят его многочисленные царапины и ушибы. Он напился из протекающего возле дороги ручья и потихоньку пошел на опушку, не забывая оглядываться по сторонам. Было тихо. Только где-то в чаще звонкими голосами перекликались птицы. Иногда потрескивала под ногой сухая ветка.

Когда сквозь деревья через луг замаячил его хутор, то Шпаков почти совсем успокоился и бодро зашагал к дому.

Тихо... Как все-таки тихо вокруг – ни шума, ни ветерка, и в то же время как эта тишина наполнена звуками, еле слышимыми, но все же... И как эта тишина отличается от той... Стоп! От какой?!

Он замер на месте. Посмотрел на свои уже чуть подсохшие, но все еще отзывающиеся болью царапины. В замешательстве схватился за голову. Откуда это?.. Силился что-то вспомнить, но в его затуманенной от всего пережитого голове, все до того перепуталось, что после безуспешных попыток Николай только безнадежно махнул рукой. То, что произошло с ним каких-то полчаса назад, казалось теперь таким далеким и нереальным, таким неправдоподобным, что ему и самому все меньше и меньше верилось. Все заволочла непроницаемая дымка, сквозь которую еле проглядывали какие-то неясные очертания, ничего ему не говорившие... Но, ведь что-то же было?!

Усталость, таившаяся в глубине, вдруг снова заявила о себе. Единственное, что ему теперь очень хотелось – так это прилечь где-нибудь, забыться от всего и уснуть. Глаза начали слипаться и их все время приходилось протирать. Уже на подходе к дому, чуть не столкнувшись, он пропустил перед собой идущее с луга многочисленное стадо. И вдруг, сквозь полудрему к

Шпакову прорвалась спасительная мысль: «А кто-нибудь видел? Ведь там никого не было!» А если никто больше, кроме него самого, там не был и ничего не видел, то... то значит, выходит... ничего и не было! Ему вон самому никак не верится и вообще – такое может привидеться только во сне. Да, это был просто-напросто сон! Необычный, правда, но всего лишь сон. Он ведь помнит, как сел там на пенек и, наверное, задремал.

А царапины? Царапины... Ну, видать там на вырубке зацепился о что-то и упал прямо в ежевику. Такое уже было раз. Вот и ободрался. Хорошо, что сам выбрался. В прошлый раз еле выпутали.

А бежал... бежал... Силясь дать объяснение этому второму своему странному поступку, он обернулся и остолбенел, чувствуя, как моментально пропал одолевающий его сон, а и без того избитое и измученное тело отказывается повиноваться. Ноги подкосились и он, не удержавшись, сел прямо посреди дороги, щедро покрытой свежими коровьими лепешками. Но Шпаков этого даже не заметил напряженно всматриваясь. В это время подкралось и еле слышимо коснулось его сердца, нашедшее его среди многих, ледяное дыхание Космоса. Запела на высокой ноте невидимая струна и глаза застелила черная пелена, на фоне которой запрыгали, закачались мохнатые немигающие звезды. Через минуту все пропало, и он увидел...

Соседи и знакомые с удивлением и страхом смотрели на еле идущего человека в котором с большим трудом признали Николая. Несмотря на довольно-таки прохладную погоду, одет он был только в грязные брюки и светлую рубашку, клочьями висевшую на нем и покрытую ржавыми пятнами. На лбу виднелась багровая ссадина, правая щека посинела и распухла, сквозь прорехи в рубашке проглядывало тело, на котором виднелись почерневшие от засохшей крови полосы царапин.

Не отвечая на расспросы, Шпаков, с отрешенным взглядом, прихрамывая, плелся по улице. Не дойдя несколько шагов до своего дома, он вдруг повернулся к нему спиной, какое-то время стоял, потом, ни с того ни с сего опустился прямо в навозную жижу, оставленную стадом и возбужденно подпрыгивая, принялся двумя руками указывать в сторону леса, что-то нечленораздельно выкрикивая.

И все увидели, как там, куда был прикован взгляд Шпакова, над лесом, там, где как раз должна находиться старая вырубка, там, подсвеченное последним лучом уходящего за горизонт краешка солнца, медленно поднималось небольшое серое облако непривычного зеленоватого оттенка. Вот оно на мгновение приостановилось, а затем, быстро набрав высоту, скрылось в темнеющих просторах закатного неба...

15.01-15.03.1991 г.

ВСТРЕЧА

Фантастический рассказ

Шторм, все еще грозный в своем необузданном величии, медленно шел на убыль. Ветер, притомившись, постепенно становился все слабее... пока не затих совсем. Сквозь облачные разрывы проглянуло солнце, и волны, обласканные его лучами тихо успокаивались, превращаясь в гладкую, мерно колышущуюся морскую равнину на которой покачивалась чудом уцелевшая с торчащим обломком мачты, изрядно потрепанная небольшая яхта.

Еще не веря, что этот ад наконец-то прекратился, Дорохов с трудом заставил себя разомкнуть руки, которые мертвой хваткой держались за то, что осталось от мачты, растер одеревеневшие пальцы и тяжело встав на дрожащие от слабости ноги осмотрелся по сторонам. Повсюду, куда достигал его взгляд, простиралась однообразная водная пустыня. Никакого намека на сушу, никакой точки вдалеке – ничего такого, что могло бы взволновать дремавшее воображение. Он осмотрел яхту, но, кроме небольшой емкости с пресной водой не обнаружил больше ничего. «Какое-то еще время можно будет продержаться. А дальше?» О том, что будет дальше, Дорохов старался пока не думать. «Может берег покажется к этому времени или судно повстречается и подберет. Мачта сломана, парус унесло – как двигаться? Вся надежда на течение. Если оно есть, то куда-нибудь вынесет. Куда это меня занесло? Берега не видно». Он задумчиво потер небритый подбородок и еще раз хмуро осмотрелся по сторонам. Горизонт, как и прежде был чист. Дорохов снял с себя верхнюю одежду и разложил для просушки. Ветер почти совсем утих. Облака, отпустив солнце на волю, медленной стаей уплывали прочь, чтобы где-то в неразличимом далеке устало слиться с водной поверхностью.

Еще не совсем придя в себя после шторма, Дорохов тяжело присел на корму и предался унылым размышлениям. Желудок, успокоившийся после длительной болтанки, начал потихоньку напоминать о себе, требуя еды. Чтобы немного заглушить чувство голода он сделал несколько маленьких глотков воды из емкости. Это помогло, но ненадолго.

Усталость брала свое и, отогревшись под лучами клонившегося к закату солнца, он впал в невесомое полудремотное состояние. Сначала мелькали хаотические обрывки каких-то ничего не значащих мыслей, затем, спустя некоторое время, ни с того ни с сего, откуда-то из глубины медленно всплыло его недавнее прошлое и, оттесняя нагромождение всей этой неразберихи, начало настойчиво пробиваться на первый план.

* * *

Николай Иванович Дорохов – молодой человек лет 26-ти, высокий и хорошо сложенный, медленно шел по тротуару, направляясь в школу, где преподавал химию и биологию. В руке у него был «дипломат» с конспектами уроков. Густые черные волосы увенчивали его тонкое с правильными чертами лицо. Большие темные глаза задумчиво смотрели перед собой. Было начало мая. Весна уже полностью входила в свои права и все живое радостно внимало ее чудесным проявлениям.

Близился конец учебного года, но Николай Иванович на этот раз не ощущал того особого душевного настроения, который всегда сопровождал его в предвкушении отпуска. Когда можно будет, наконец-то, сбросить с себя каждодневные школьные хлопоты, с постоянно возникающими педагогическими проблемами, педсоветами и классным руководством и, хоть на это время побыть самому себе хозяином, с головой окунувшись в осуществление своих уже назревших и ждущих только свободного отпускного времени планов.

На этот раз на душе у Дорохова было невесело. Изредка он поглядывал на небо, также хмурившееся, как и он сам, и тяжело вздыхал. Мир, озаренный яркими весенними красками, казался ему блеклым и невыразительным. Его взгляд равнодушно скользил впереди, выхватывая из пространства близлежащий отрезок тротуара и не обращая внимания на все остальное. Коллега по работе, идущий навстречу, приветливо поздоровался с ним, но Дорохов, даже не взглянув – прошел мимо. Тот, приостановившись, удивительно посмотрел ему вслед: такого еще не случалось.

Дорохов, обычно общительный и улыбчивый на этот раз прошел мимо как истукан, с окаменевшим лицом отсутствующим выражением глаз. Еще раз обеспокоено оглянувшись, учитель недоуменно пожал плечами и продолжил путь дальше.

В учительской пока никого не было, до начала урока оставался еще час и Дорохов, сев за стол, принялся просматривать план-конспект, готовясь к уроку. Но внимание все время ускользало куда-то в сторону, и он досадно нахмурился. То, что случилось с ним вчера вечером до того потрясло его внутренний мир и настолько поколебало все его жизненные устррой, что до сих пор не мог прийти в себя.

И теперь, как он ни пытался хотя бы приблизиться к той, своей привычной и испытанной колее, по которой совсем недавно энергично и весело шагал – ничего у него не получалось. Душевное спокойствие было нарушено. И надолго. Дорохов это чувствовал. Хотя внешне казался спокойным. Даже привычная, чуть заметная улыбка нет-нет, да и трогала уголки его крепко сомкнутых губ. Иногда он задавал себе вопрос: «Ради чего, собственно говоря, такое беспокойство?! Да что такого случилось-то... на самом-то деле?» Случилось... Случилось то, что там, где Дорохов всей своей сущностью желал бы услышать «да» ему ответили «нет». Коротко и ясно.

А ведь как у них все ладилось... Дорохов уже втайне начал подумывать об откровенном разговоре с нею. О серьезных намерениях своих. И о многом другом... а потом подарил ей на день рождения книгу под названием «Астрология», которую с большим трудом достал. Помнится, – Дорохов тяжело вздохнул, – она очень обрадовалась подарку. И спустя время от нее только и слышно было о том, кто под каким знаком родился и «кто чего собой представляет». Потом дело дошло до составления гороскопов...

И вот в один прекрасный день, даже не день уже, а вечер Николай Иванович пришел к выводу, что откладывать дальше не стоит, пора, как говорится, разложить все по своим местам.

Но, она была какой-то странной... Была немногословной, почему-то все время смущалась

и часто отворачивалась. А то вдруг, ни с того ни с сего, безо всякой на то причины начинала нервно хихикать, виновато при этом на него поглядывая. Дорохов который, ввиду предстоящего разговора тоже чувствовал себя не в своей тарелке, приписал ее поведение так называемой женской интуиции. «Удивительно! – подумал он, – я еще чего не сказал, а она уже все поняла! Теперь вот стоит, мучается бедная, ждет, когда же я соизволю сказать то, о чем она сама давно уже догадывается» Обрадованный такой догадкой и в то же время немного сердитый на себя за излишнюю медлительность, он решительно открыл было рот, чтобы в конце концов, высказать ей все..., но... так и не сказал, уставившись на стандартный, употребляемый для пишущих машин лист бумаги, который она, еще раз оглянувшись, словно чего-то боясь, быстро развернула перед ним.

– Посмотри, что у меня получилось, – ее лицо выражало смущение, а в голосе звучала плохо скрываемая гордость за проделанную работу.

– Что это? – недоуменно спросил Дорохов, взглядываясь в белый прямоугольник, искрещенный цифрами и непонятными знаками.

– Это мои расчеты, касающиеся нас с тобой.

– Какие еще расчеты?

– Ну... расчеты, – она замялась, подыскивая слова, – ну... астрологические. Чтобы не ошибиться, я их несколько раз перепроверяла, но все равно, в итоге получается одно и то же.

– И что же получается? – спросил Николай Иванович, все еще не понимая, к чему она ведет.

Она потупилась, несколько раз переступила с ноги на ногу и снова тихонько, как-то виновато хихикнула.

– Ты ничего такого не подумай, все дело в гороскопах – твоим и моим и расчетах.

– Да что я не должен думать? – тяжелое предчувствие начало закрадываться ему в душу.

– Ну, ты не расстраивайся, я ведь первая об этом узнала. Сначала немножко приуныла, а потом прошло. Это быстро проходит... и у тебя пройдет... – она ободряюще улыбнулась, – кто виноват, что мы не подходим друг другу?

– Почему не подходим?! Разве эти гороскопы – главное в наших отношениях!

– Это сейчас не заметно, а в будущем может повернуть совсем по-другому. Так что давай расстанемся сейчас. Для обоих это наилучший выход. И не пытайся меня переубеди – бесполезно, – она отчужденно взглянула, – ты уж пойми меня правильно. Ладно?

Какое-то мгновение она еще стояла возле окаменевшего от полной неожиданности Дорохова, а затем, словно опомнившись, растаяла в надвигающихся сумерках. Она слыла девушкой серьезной и во взаимоотношениях с людьми, даже близкими, всегда старалась проявить максимум осторожности и

дальновидности.

...Дорохов с трудом оторвался от тревожащих его воспоминаний и посмотрел на часы. До начала уроков оставалось совсем мало времени. В учительскую один за другим заходили его коллеги здоровались, он машинально отвечал. Последним перед самым звонком, быстро вошел преподаватель физкультуры, с которым у Дорохова сложились некие своеобразные можно сказать, даже приятельские отношения. Видимо не последнюю роль здесь сыграло то, что все, в довольно-таки многочисленном коллективе были семейными, кроме их двоих. К тому же – были они почти одногодки и их объединяло одно увлечение – парусный спорт.

* * *

Небольшой живописный городок, в котором работал Дорохов, лежал на ровной каменистой возвышенности в полукилometре от скалистого берега, на который с тихим шорохом, а в непогоду с неутomимым грохочущим упорством накатывали волны Черного моря. Обширная, имеющая почти правильные очертания эллипса бухта, далеко углублялась в берег и была защищена от моря природным молом. Оставался только узкий проход через который мог пройти катер или средней величины парусник. Поэтому, в бухте, несмотря на часто налетающие шторма, все время было тихо. Здание яхт-клуба находилось у самой воды. Тут же, у причала, покачивались мачты нескольких небольших яхт.

Сюда, по окончании школьных занятий и направились Дорохов и Плетнев – преподаватель физкультуры. Хотя они не раз тут бывали, Дорохов еще слабо разбирался в управлении яхтой. К особенности нелады у него были с парусами, в то время как Плетнев, по сравнению с ним был чуть ли не асом. Он постоянно убеждал Дорохова, что это самый лучший, по его мнению, порт в мире.

– Что это ты сегодня неразговорчивый, да и невеселый какой-то? – спросил он.

После некоторого колебания Дорохов вкратце рассказал ему все – страшно хотелось излить кому-то накопившуюся горечь.

Плетнев сразу посерьезнел, какое-то время задумчиво молчал, размеренно шагая.

Потом как-то по особенному взглянул.

– А другого подарка ты не мог ей предложить?

– Какого другого? Что именно? – Дорохов вопросительно посмотрел на него.

– Да что угодно! Финтифлюшку какую-нибудь, собачку плюшевую, например, куклу или чертика с рожками в конце концов.

– Но, ведь она же взрослая, зачем ей кукла?

– Ты не обижайся, пожалуйста, я ее вообще-то не видел, но, по твоему рассказу у меня сложилось впечатление, что у нее до сих пор еще, так называемый детский ум. Поэтому, собачке или кукле с бантом, она тоже могла б с таким же успехом обрадоваться. Даже больше, чем «Астрологии». Я еще удивляюсь, как это она сама, без посторонней помощи научилась составлять гороскопы! Это ведь сложное дело. Малейшая неточность и...

– Говорит, несколько раз перепроверяла, но результат тот же.

Плетнев насмешливо посмотрел на него.

– Знаешь что, – после некоторого раздумья, опять заговорил он, – она тебя просто не любила.

– Как так! Совсем? – от вновь нахлынувших воспоминаний Дорохов еще больше расстроился.

– Ну... не то чтобы совсем.... Просто на ее жизненном горизонте, в данный момент, пока никто ощутимо не вырисовывался. Вот и встречалась с тобой. К тому же ты парень не из последних..., видный. Не пьешь, не куришь... высшее образование...

– Неужели это так много значит?

Плетнев снова внимательно посмотрел на него. Покачал головой. Хотел было промолчать, но все же не выдержал.

– Тебе вот уже двадцать шесть лет, а ты до сих пор не можешь снять розовые очки сквозь которые продолжаешь смотреть на окружающий мир. Пойми одно – люди, в большинстве своем, не такие, какими ты их хочешь вообразить. Они гораздо прозаичнее. И твоя дама сердца, извини, бывшая дама, как и ни пытайся ее защищать, к сожалению, тоже входит в их число. К тому же она и там не на первом месте.

Увидев протестующий жест Дорохова, Плетнев поспешил спросить:

– Она ведь убеждала тебя, что это быстро проходит? Так в чем же ты видишь ее так называемую любовь?!

Дорохов остановился, глубоко вдохнул просоленный воздух и какое-то время невидяще вглядывался в открывающийся перед ним морской простор.

– Но, ведь было у нее что-то в душе в отношении меня! Нет! Не верится мне как-то... Неужели действительно можно вот так сказать как отрезать и все... и сразу забыть... нет, не могу я это сразу так переварить. Нужно какое-то время. Единственный выход пока – взять себя в руки и стараться думать об этом... как можно меньше.

Он еще раз вздохнул, пожал плечами, словно стараясь стряхнуть с себя невидимую тяжесть и взглянул на товарища, который с затаенной тревогой поглядывал на него. Черты лица его, до этого напряженные, медленно, словно нехотя разгладились, и привычная улыбочка несмело проступила на лице. Плетнев с облегчением улыбнулся в ответ, и они двинулись дальше, туда, где на изумрудном зеркале бухты, помеченном чуть сметной рябью, брала свое начало ослепительная убегающая вдаль солнечная дорога.

* * *

Сегодня ты пойдешь один, – сказал Плетнев, привычно перебирая оснастку швертбота, заметив вопросительный взгляд Дорохова, добавил, – пора тебе уже кое-чему научиться.

- А почему именно сегодня?

- А ты заметил – сколько раз мы выходили на одной яхте вдвоем и сколько уроков по управлению ты получил?

Дорохов подумал, затем неопределенно пожал плечами.

- Вот видишь! Зато я помню и думаю, что пора тебе уже начать самостоятельно, безо всякой помощи извне, пробовать управлять парусом.

- А у меня получится?

- Когда я был на борту – получалось?

- Но тогда я знал, что ты сразу поможешь исправить ошибку. А теперь такой уверенности не будет.

- Послушай, – Плетнев досадливо поморщился, – но ведь надо же когда-то начинать самому. Со мной у тебя получалось неплохо. Так попробуй теперь в одиночку. Кроме того, я буду неподалеку, на соседнем швертботе. В случае чего – помогу советом.

* * *

Дорохов отошел от причала. Покосился на висевшее над горизонтом небольшое темное облачко и не торопясь, стараясь делать так как его учили – поднял парус. Легкий ветерок сразу же туго натянул ткань и повлек легкое суденышко к выходу из бухты.

Пройдя узкий проход, соединяющий бухту с морем, Дорохов оглянулся. От причала отдалялась еще одна яхта. Белым крылом взметнулся над нею парус – Плетнев. Бухта осталась позади. Бескрайний простор, очерченный лишь условной линией горизонта, открылся перед ним. Дул слабый ровный ветер. Сам себе удивляясь, Дорохов ловко управлялся с парусом. Как бы там ни было, а уроки пошли на пользу. Швертбот ходко шел вперед, с тихим шипеньем рассекая водную гладь. Охваченный радостным волнением от того, что судно во всем ему подчиняется чего раньше не наблюдалось он оглянулся – видит ли Плетнев? Но, парус того все еще белел далеко позади. Да и сам берег превратился в узкую темную полоску. Неужели он так далеко ушел? Пора поворачивать обратно, пока земля окончательно не скрылась из виду. В это время солнечные блики на воде вдруг пропали и все вокруг накрыла какая-то тень. Ветер начал усиливаться. Дорохов поднял голову и увидел, что темное облачко, вначале так безобидно висевшее вдалеке, теперь значительно приблизилось и превратилось в громадную синя-черную тучу, медленно наползающую и уже захватившую полнеба. Еще раз мелькнул краешек солнца и скрылся. Тяжелая полутьма начала сгущаться над морем. Дорохов с трудом повернул к берегу, смутно видневшемуся вдалеке. Неясная, все

усиливающаяся тревога начала овладевать им. Парус Плетнева, как он ни вглядывался, куда-то пропал. Море, до этого приветливое, приобрело незнакомый зловещий оттенок. Ветер все усиливался, превратившись в резкий прерывистый. Парус то опадал, то вдруг быстро наполнялся издавая при этом звук, напоминающий протяжный стон. Дорохов еле справлялся с управлением, ему все больше становилось не по себе. Вымокнув до нитки, подавляя нервную дрожь, он с надеждой всматривался вдаль: «Где же Плетнев? Что с ним?» Далекий берег то появлялся, то снова исчезал в разгулявшихся волнах. Одеревеневшие от напряжения пальцы с трудом удерживали румпель. Сосредоточив все внимание на управлении и на том, что-бы не потерять из виду землю, Дорохов не сразу обратил внимание на еще один посторонний звук, который все больше усиливаясь, начал вплетаться в общую симфонию назревающего шторма. Оглянувшись, он увидел, как сравнительно недалеко от него, в низко нависшем клубящемся небе образовался гигантский черный хобот, который, медленно удлиняясь, все ниже опускался к морю. Вот он коснулся его и тяжело двинулся по волнам, заглатывая все на своем пути. Смерч! Пораженный увиденным, Дорохов опаской отметил, что он все ближе подпирается к его яхте. Все ближе... И никуда не отвернуть. Не успеешь. Еще теплилась надежда, что пройдет мимо... Нет.

Не прошел.... Надвинувшись вплотную, хобот внезапно оторвался от водной поверхности, приподнялся на несколько метров и завис прямо над парусом. Оцепеневший Дорохов увидел внутри у него нечто серое спиралевидное, вращающееся с бешеной скоростью и закручивающееся в тугую длинный жгут, уходящий ввысь. Раздался треск и парус унесся вверх. Бросив румпель, Дорохов успел ухватиться за мачту – и тут яхту завертело, закружило вокруг своей оси. Изо всех сил прижимаясь к мачте, Дорохов, расширенными от ужаса глазами смотрел на пляшущий перед ним полумрак. Последнее, что он еще заметил, это то, что его вместе с яхтой начинает медленно втягивать в образовавшуюся вверху воронку, а за яхтой, как бы поддерживая ее, черной змеей поднимается с моря извивающийся столб воды. Через мгновение все затихло и тяжелая, давящая на глаза темень облегла его со всех сторон. Швертбот уже не крутило и не бросало. Он висел неподвижно, в строго горизонтальном положении. Казалось, он находится на твердой поверхности. Только, время от времени, мелкая дрожь пробегала по его корпусу, вызывая у Дорохова чувство неприятного зуда по всему телу и отдаваясь тупой болью в зубах. Все еще крепко держась за мачту, он настороженно вслушивался в эту внезапно образовавшуюся темную тишину. Было сравнительно тепло, но мокрая одежда неприятно липла к телу и он зябко поводил плечами. Дышалось легко и если бы не дрожь, вызывавшая неприятное чувство, то ему было бы совсем хорошо. После штормовой болтанки он постепенно приходил в себя. Внутреннее напряжение ослабело и он сделал попытку на ощупь как-то определиться в пространстве: осторожно отпустил мачту и, стараясь обеими руками сразу не отпускать борт, принялся ощупывать все вокруг. Но всюду, куда бы он ни протянул руку – пальцы натыкались на пустоту. Хотел было даже спрыгнуть с яхты, но потом опомнился. Решил сидеть на месте и ждать. Страх как такового не было. Только чувство бессилия и одиночества.

* * *

Плетнев стоял на причале и с растерянностью смотрел им внезапно разыгравшуюся непогоду. Немного замешкавшись, ж отплыл уже тогда, когда Дорохов, миновав проход – вышел и открытое море. Поэтому он начал прилагать все усилия, чтобы наверстать упущенное. Но, парус того все удалялся, неумолимо уменьшаясь в размерах. Внезапно все вокруг потемнело и Плетнев, только что прошедший через проход, увидел как им выросшего до гигантских размеров черного облака вытянулся извивающийся длинный хобот и накрыл парус Дорохова. Забыв обо всем на свете, Плетнев с ужасом наблюдал происходящее, не в силах что-либо предпринять. Да что он мог сделать – яхты на том месте уже не было.

Несмотря на усилившийся ветер и вздымающиеся крутым волны, Плетнев добрался все-таки до того места, где в последний раз видел яхту. Но сколько он ни вглядывался в окружающие его белопенные волны, сколько ни вслушивался в нарастающий штормовой рев – безрезультатно. И кто знает, как бы добрался до берега сам Плетнев, если бы не рыболовное судно, тоже застигнутое штормом и вовремя заметившее яхту, попавшую в беду.

Теперь, стоя на причале, весь вымокший, он дрожал от пронизывающего ветра, но упорно не уходил в здание яхт-клуба. Виновным во всем он считал только себя и от собственного бессилия готов был расплакаться: «Ну где его теперь искать?! Да и жив ли он?» От одной этой мысли ему становилось не по себе. Откуда он мог знать, что именно в это же время тот же вопрос задает себе Дорохов.

Тяжелая вязкая тьма по-прежнему окружала его. Ничто не нарушало тишины. Медленно тянулось время. Одежда на нем стала почти совсем сухой. Дорохов прилег на дно и забылся в тревожном полусне... Внезапно яркий свет больно резанул его по сомкнутым

векам. Оглушающе загудел вдруг штормовой ветер и, не успел он опомниться, как тяжелый ледяной вал с грохотом обрушился на него. Ослепший и полузадохшийся Дорохов все же успел инстинктивно вцепиться в дощатый настил, на котором лежал и тут новая волна вновь накрыла яхту. Затем вода схлынула, и Дорохов, немного отдышавшись и протерев глаза, увидел над собой небо с тяжелыми низко нависшими тучами, пасмурное небо, которое после непроницаемого мрака, показалось ему таким ослепительным вначале. Когда глаза полностью привыкли к свету, он, дрожа от холода, покрепче обхватил остаток мачты и принялся ждать, если это можно было назвать ожиданием. «В конце концов, шторм, все-таки должен когда-нибудь утихнуть... Вот и порывы стали вроде бы слабее. Да нет, не вроде, а точно. И волны уже не так яростно набрасываются. Значит скоро, скоро конец непогоде! Главное – выдержать этот изматывающий до невозможности шторм. Главное выдержать!» Так повторял про себя Дорохов, когда очередная волна, снова и снова, окунала его с головы до ног...

* * *

Воспоминания внезапно прервались и Дорохов открыл глаза. Предзакатное солнце, тусклым шаром висевшее над морем, перед тем как опуститься в него, слало ему свою прощальную искристую тропинку. «Но куда по ней пойдешь». Он поднялся, не спеша оделся в высохшую за это время одежду и еще раз внимательно осмотрелся по сторонам. Все без изменений. «Интересно, куда это меня занесло? Как пусто вокруг. Даже чаек не видать». В это время снова напомнил о себе голод. Дорохов открыл емкость с водой и сделал несколько глотков. Сколько можно будет так продержаться? На одной воде не высидишь. И ее осталось совсем немного. Да-а, ситуация. Куда же он все-таки попал?

Солнце приобрело багровый оттенок и своим краешком, словно пробуя, осторожно коснулось водной поверхности. Внезапно, на нем, как вначале показалось Дорохову, появилась черная точка, которая начала медленно увеличиваться в размерах. Вскоре она превратилась в небольшое темное пятнышко. И только тогда, когда оно вышло за пределы солнца, Дорохов понял, что солнце было просто фоном, а пятнышко, которое все росло, оказалось намного и намного ближе и, по всей видимости, направлялось в его сторону. Через некоторое время он уже мог рассмотреть, что это птица или, вернее, что-то очень похожее на нее. Уже явственно были видны мерно взмахивающие крылья по бокам удлиненного туловища с большой остроклювой головой на длинной шее. Птица все приближалась и Дорохов с удивлением отметил ее необычайные размеры. Один размах крыльев достигал где-то до 20-ти метров! Неясная тревога сжала его сердце и

он на всякий случай придвинул к себе весло.

- Кха-гги-и, кха-а-а-г-г-и-и, – вдруг громко закричала она, и этот ее непривычный для слуха крик больно отозвался в туго напряженных нервах Дорохова. Он вздрогнул и покрепче сжал весло, хотя надежды на него было мало: слишком внушительным был острый клюв, за которым рубиновым огнем горели большие круглые глаза. На перепончатых лапах тоже виднелись острые серповидные когти. По своему строению птица напоминала грифа. «Гриф» бесшумно пронесся над яхтой, отливая серо-стальным оперением в свете уходящего дня.

- Кха-г-г-и-и, – снова раздался его заунывный протяжный крик. Было что-то нереальное в этом звуке, что-то такое, от чего Дорохов непроизвольно поежился: эта бесшумность полета при таких размерах, монотонное, какое-то неживое движение крыльев... Да куда его все-таки занесло? Что за странности здесь начинаются? И чего ждать дальше? Он беспомощно оглянулся по сторонам – горизонт по-прежнему был пуст. Солнце на половину погрузилось в море. Небо заметно потемнело.

- Кха-г-г-и, – снова раздался крик. Дорохов быстро обернулся. «Гриф», в это время, сделав разворот, снова приблизился к яхте. Крылья были неподвижны, огонь его глаз нацелился прямо на него. Судя по всему, он собирался садиться. «Но куда? На яхту?! Она не выдержит такой массы! И что будет со мной?!» Дорохов в растерянности заметался по яхте. Та угрожающе закачалась. В это время тяжелая тень упала на него и горячая волна воздуха тугим порывом пахнула ему в лицо. Позади раздался шум рассекаемой воды. Готовясь к самому худшему – он оглянулся – «Гриф» уже сидел на воде, неподалеку, боком к нему и медленно втягивал в себя крылья. Не складывал, как нее птицы, а именно – втягивал. Они все укорачивались, пока полностью не исчезли в его туловище. Длинная змеиная шея выгнулась дугой, голова повернулась в сторону яхты и снова вперила в него горящие блюдца глаз.

- Кха-гг-и, – широко раскрылся громадный клюв и с громким стуком захлопнулся.

Вода позади него забурлила и расстояние между ними начало быстро сокращаться. Дорохов, держась одной рукой за мачту, а другой сжимая побелевшими пальцами весло, оцепенело уставился на него. Только сейчас он мог полностью разглядеть его в деталях, хотя, по правде говоря, ему было совсем не до этого. Швертбот, по сравнению с «грифом» казался утлой лодчонкой...

Внезапно, густое жесткое оперение на спине зашевелилось и оттуда выглянула... голова. Обыкновенная человеческая голова, круглолицая, увенчанная рыжей шевелюрой. Рядом с ней появилась вторая. «Гриф» остановился. Обе головы начали внимательно рассматривать Дорохова. Потом поднялись выше, так, что показались плечи. Переглянулись, снова взглянули на него и прыснули, а затем, как бы не удержавшись, громко расхохотались веселым вполне человеческим смехом. Так могут смеяться только люди, настроенные к нему вполне дружелюбно. Но, для Дорохова это было уж слишком. Тело внезапно ослабело, ноги подкосились, весло выскользнуло из рук и больно ударило его по пальцам ноги. Он охнул и в изнеможении опустил на дно яхты.

* * *

Сквозь зеленые ветви незнакомого дерева, стоящего у окна, оставляя причудливые тени на полу и противоположной стене, проникало утреннее солнце, наполняя своим светом обширную комнату с высоким потолком. Иногда налетал небольшой ветер. Он беспокойно шевелил ветвями и помогал им дотянуться до стекла. Тогда тени в комнате начинали двигаться, а в окно раздавался сухой царапающий стук.

Этот стук разбудил Дорохова. Он открыл глаза и сразу же зажмурился от ярких солнечных лучей. Хотел было подняться, но передумал и, натянув на себя одеяло, отвернулся к стене. Кровать была ни твердой, ни мягкой – так себе. И вообще, все было здесь какое-то среднее. По-другому и не скажешь. На сколько он это успел заметить. Хотя, что тут замечать?

...После того, как его подобрали в море, и на «грифе», который оказался чем-то вроде биокибернетической машины, переправил и на сушу – прошло около недели. За это время комната была единственной территорией, которой ему пришлось довольствоваться. Дальше двери, постоянно запертой, его не пускали. «Временно» –

как ему дали понять. Так что заметить в таком положении что-либо трудновато. В окно, сквозь ветви, при ясной погоде видны далекие горы, на вершинах которых, кое-где белел снег. И все. И ни одной живой души вокруг.

Когда он опять открыл глаза – на столе его ждал завтрак! И Дорохов снова, уже в который раз, не услышал когда его принесли. Это удивляло и в то же время настораживало: почему, те, у которых он находится в гостях, если это можно так назвать, не показываются ему на глаза? Даже еда появляется только тогда, когда он спит! Что бы все это значило? Этот и еще с десятков других вопросов неоднократно беспокоили его, но ответа пока не было. Первые два дня он только то и делал, что спал и ел, но когда силы полностью восстановились – вынужденное бездействие начало раздражать. К тому же эта неопределенность положения: где он находится и, вообще, за кого его здесь принимают? Часы, намокшие в морской воде, пришли в негодность и он представления не имел о времени. Делал попытку ориентироваться по теням за окном, но они казались ему все время одинаковыми. Или только казались? Все это, вместе взятое, начало действовать на него странным образом: возникла какая-то зыбкость, нереальность происходящего. Иногда приходила догадка, что он спит. И все, что с ним происходит – всего лишь сон, очень длинный сон. Если это так, то как же ему проснуться? Как?..

Он решил «действовать». Сначала долго стучал в дверь – негромко, затем, что есть силы.

- Почему меня здесь держат?! Выпустите меня, почему я должен сидеть взаперти?! Кто вы такие? Что вам от меня нужно?! Неужели нельзя объяснить?! И почему никто не приходит? Да что все-таки происходит?! – кричал он.

Тишина.

Тогда он попытался выбить окно. Это тоже не дало никаких результатов. Стекло оказалось не просто стеклом, а какой-то прозрачной броней. Сначала он бил ногами, затем – скамейкой. Хотел было задействовать и стол, но тот оказался словно приросшим к полу. Так ничего и не добившись, сел возле окна передохнуть. Погода была солнечной и он засмотрелся на далекие заснеженные вершины. И тут у него появилась мысль: спать как можно меньше, то есть притвориться спящим – не может быть чтобы еда

появлялась сама по себе. Должна же быть какая-то живая душа, которая это делает!

Когда наступали сумерки, загорался «дежурный свет» – так Дорохов окрестил белые матовые полушария, выступающие из потолка. Их неровный мерцающий свет позволял все видеть и в то же время в помещении царил полумрак. Кто-то заботился о том, чтобы он ни на минуту не оставался в полной темноте.

Дорохов лежал в постели и натянув до подбородка одеяло, сквозь полуопущенные веки внимательно наблюдал за входом. Тишина. Нигде ни звука. А ведь скоро должны принести обед. Об этом свидетельствовал полумрак, медленно выползающий из углов. В такое время, обычно, глаза начинали непроизвольно слипаться и Дорохов, спустя некоторое время, засыпал. А когда открывал глаза: за окном сиял день, а на столе обед.

Теперь же любой ценой он решил не спать. Во что бы то ни стало! Надоело сидеть взаперти! Пора выяснять обстановку!

...Тяжелая дремотная волна незаметно накатила на него и клейкой паутиной начала уверенно оплетать веки. Затем подняла его и, убаюкивающе покачивая, плавно унесла в бездонную глубину ночи...

Створка входа бесшумно отошла в сторону. На пороге показалась фигура в белом, отливающим зеркальной поверхностью комбинезоне. Голову украшал такого же цвета шлем. Лицо было закрыто зеркальным выпуклым стеклом. Человек тихо вошел в комнату, поставил на стол поднос с едой, внимательно посмотрел на мирно спящего Дорохова и также тихо вышел. Створка двери беззвучно стала на место.

Когда Дорохов проснулся – его встретило веселое сияние дня. В глаза сразу же бросился стол, на котором он с неудовольствием отметил свой обед. Проспал! Надо же!

Он поднялся и сев за стол неохотно принялся за еду: безвкусное все какое-то и каждый раз одинаковое, независимо от того – завтрак это, обед или ужин. Насытившись, он снова подошел к окну. На этот раз гор не видать: все застилала чуть белесая прозрачная дымка. Ветра не было. Птиц тоже не видно. Насколько он помнит – они ни разу не попадались ему на глаза. Да и есть они тут? Мысли, одна мрачнее другой, снова начали овладевать им. И как он ни боролся с этим своим состоянием, все же, потихоньку, на него наплыла такая тоска, такое отчаяние, что он еле удержал себя на той незримой черте, преступив которую, становишься просто неуправляемым. Он судорожно вздохнул и тыльной стороной ладони быстро смахнул со лба холодную испарину. Нет, так дальше нельзя! Как бы там ни было, но самообладание терять и тем более в такой, полной неясности обстановке – последнее дело. Этим ничего не добьешься.

Он отошел от окна и начал, в который раз, внимательно осматривать дверь. Внезапно день за окном быстро, слишком быстро померк и сверху снова полилось прерывистое мерцающее сияние. Дорохов удивленно обернулся. За окном, в это время уже совсем стемнело и когда он подошел поближе, то, кроме своего отражения в стекле, больше ничего не увидел. В этом было что-то новое: ведь до ужина оставалось еще много времени. И спать почему-то не хочется.

В центре окна появилась яркая светящаяся точка. Она быстро росла, заполняла половину окна и бесшумно полыхнув яркой розовой вспышкой – пропала. Дорохов от неожиданности отпрянул и больно ударился о спинку кровати. На какое-то мгновение ослепший, он на ощупь наткнулся на скамейку и, упав на нее, принялся протирать слезящиеся, полные жгучей рези глаза. Было такое ощущение, словно туда с размаху бросили солидную порцию сухого песка. Постепенно боль ушла и он снова обрел способность видеть.

Мерцающий свет пропал и в комнате снова был день. Только в комнате. А за окном, вернее, экраном, в который преобразилось окно, за низким столиком, в ажурных креслах сидели четыре человека в одинаковых, розового цвета, облегающих одеждах. Удлиненные бронзовые, с классически правильными чертами лица увенчивали короткие темные волосы. Трое мужчин и одна женщина. Дорохов это понял по более нежному почти детскому овалу лица.., а также по длинным волосам, которые тяжелой взблескивающей пеленой опускались на плечи и терялись где-то за спиной. Все четверо сидели неподвижно и внимательно смотрели на него. В их одинаково больших, темно-серых, с чуть заметной прозеленью глазах проглядывало явное сочувствие.

* * *

Разговора с ними, сидевшими по ту сторону экрана, как такового можно сказать и не было. Просто Дорохова, удивленно застывшего перед ними, внезапно, подобно вспышке молнии, возникли, вдруг, ответы на все его наболевшие вопросы. Впечатление было такое, словно он уже когда-то знал об этом, но позабыл, а теперь вот, при виде этих людей – вспомнил.

А «вспомнилось» ему, что по соседству с нашей цивилизацией, на одной и той же планете Земля, существует еще одна, более развитая и могущественная. Корни ее развития уходят далеко вглубь и берут свое начало у истоков возникновения самой планеты. Жизнь ее обособлена и незаметна для нас. В земные проблемы она почти не вмешивается, если не принимать во внимание некоторые исключения... Основная масса населения находится в Космосе, за много световых лет от Земли. Здесь на Земле у них база отдыха или что-то в этом роде. Его, Дорохова, спасли совершенно случайно, заметив в самом эпицентре смерча и предвидя его неминуемую гибель. Прямой контакт с ними ему противопоказан, так как энергетическая основа его организма имеет существенное отличие. Кроме того, более высокий фон радиации на их территории, способствующий их жизнедеятельности, спустя время, может привести его к заболеванию. Потому-то, он все время и находился в помещении со специальными защитными экранами. Еда его стерилизована и составлена из компонентов быстро восстанавливающих силы. Заходили к нему в защитных костюмах. А во избежание недоразумения: перед этим – усыпляли. Человеческая психика очень многогранна и полна неожиданностей, поэтому ждали его полного выздоровления. Теперь же, видя его все более усиливающуюся активность и беспокойство и опять же, боясь за состояние его здоровья – Совет базы решил, что пора встретиться с ним, ознакомить, с обстоятельствами его появления здесь и объявить об отправке назад. Не он первый сюда попадает и, будем надеяться, не последний. Причин появления много... Можно было бы сразу вернуть, но дело в том, что этот процесс выдерживают только физически здоровые люди. А у него, судя по его поведению, все данные для этого уже появились. Отправка будет произведена в ту самую точку территории, где он находился, и в то же самую время, но с небольшой коррекцией: смерч на этот раз пройдет мимо. Беспокоиться не надо: его быстро подберут и доставят ща сушу. На этом все. Вопросы, которые возникнут у него в дальнейшем - без ответа не останутся... Желаем счастливого

пути.

У всех четверых губы тронула чуть заметая улыбка, глаза весело заискрились. Только у женщины лиц вдруг изменилось, совсем на мгновение, но Дорохов успел заметить

показавшуюся, словно сквозь приоткрытую дверь, такую глубину грусти, что ему стало не по себе. Он на секунду отвел глаза – снова взглянул: дружелюбная улыбка, проникновенный взгляд.

Может ему показалось? Он вопросительно посмотрел на нее. Но тут створка входа плавно отошла в сторону и на пороге возникла фигура, одетая в серебристый скафандр. Она подняла руку и жестом указала следовать за ней. Дорохов еще раз взглянул на экран, прощально поднял руку и с некоторым облегчением переступил порог...

* * *

Дорохов сидел на корме швертбота и придерживая румпель провожал глазами «гриф», который, тяжело взмахивая крыльями, становился все меньше, меньше, пока совсем не пропал из виду. «Кха-а-г-г-и» – в последний раз прозвучал еле слышимый прощальный крик и все затихло. Ровный легкий ветерок туго натянул парус. Крошечные волны с тихим шелестом расступались перед яхтой, с плеском бились о борта и уносились прочь.

Всплыла, вдруг, в памяти, ни с того ни с сего, последняя встреча с его бывшей невестой, ее слова, безжалостные и все ломающие... Но, на этот раз не появилась, почему-то, ставшая уже привычной горечь. Вместо этого он, вдруг, почувствовал как где-то в глубине его души, то, что до сих пор (было опутано непроницаемым мраком безысходности – внезапно пробудилось. Черная пелена заколебалась, пришла в движение и медленно словно нехотя начала рассеиваться. Сквозь образовавшийся

разрыв тоненьким лучиком заструился свет ни первый импульс облегчения всколыхнул Дорохова. Еще, каким-то внутренним зрением, на мгновение, он увидел как мертвящее оцепенение удушающим панцирем сковывающее его до сих пор, вдруг, зазмеилось ломаными трещинами и, распавшись на несколько неравных частей – пропало.

У него было такое впечатление словно он только что проснулся. И не просто проснулся, а с трудом очнулся» от тяжелого, всю ночь изматывающего его всего без остатка, кошмара. Когда же, наконец, удалось открыть глаза, то оказалось, что это был всего лишь сон, а жизнь, настоящая жизнь, вот она. Перед тобой!

Он глубоко вдохнул просоленный воздух и, какое-то время невидяще вглядывался в расстилающийся перед ним бескрайний морской простор.

Внезапно перед ним, словно на экране возникло лицо одного из тех четверых. Длинные волосы... Женщина. Губы плотно сжаты, взгляд предостерегающе напряжен.

– Приготовься! – прозвучало у него внутри.

Небо начало быстро темнеть, вода приобрела кроваво-красный оттенок, затем он пропал и все погрузилось в темноту Тишина. Ни звука. Только дрожь, уже знакомая дрожь, время от времени пробегающая по судну... Яркий свет больно ударил по широко открытым глазам и тяжелая ледяная волна с грохотом обрушилась на него...

* * *

Стоя на причале, весь вымокший, Плетнев дрожал от пронизывающего ветра, но упорно не уходил в помещение яхт-клуба. «Жив ли Дорохов?». Эта мысль не давала ему покоя. Он протер слезящиеся от напряжения глаза и еще раз с надеждой обвел взглядом бушующий горизонт. Внезапно... «Да нет... показалось. Нет, не показалось! Неужели?!» Далеко за молот, то появляясь, то снова пропадая в пляшущих волнах, белым крылом замелькал парус. Еще не веря своим глазам Плетнев сбегал за биноклем, «Он... точно он! Жив, жив!» Не теряя ни минуты Плетнев настойчиво забарабанил кулаком по дощатой стене.

– Катер! Немедленно спускайте катер! – закричал он выглянувшем на стук яхтсменам.

* * *

Прошло два года. Вроде бы немало, но воспоминания того странного происшествия недремно жили в душе Дорохова. Они. то тускнели и уходили куда-то вглубь, то, вновь возвращались, вызывая неясную тревогу. Боясь самому себе признаться, Дорохов интуитивно чувствовал, что бесследно для него это не пройдет: где-то впереди, за завесой времени и пространства его вновь ожидает жизнь полная тайн и загадок. И никуда от этого не деться. Но страха не было. Более того – появилась и продолжала жить твердая уверенность в том, что именно такая жизнь ему подходит больше всего.

А недавно у него начали проклеиваться какие-то новые знания, именно проклеиваться, потому что ни о чем подобном раньше он понятия не имел. Они все росли, обособленным островком плавая в его сознании и лишь чуть заметно напоминая о себе. И в то же время находясь как бы отдельно от его сущности.

Иногда там образовывалось нечто напоминающее «вход» и тогда перед ним открывался незнакомый, непонятный пока мир. Мир нерешенных задач и проблем над которыми все еще бьется человечество...

Но особое, главенствующее место занимал сам человек. Наука о человеке, заложенные природой, но скрытые пока возможности... Раскрытие, высвобождение их, в результате чего человек становился космической сущностью...

Затем «вход» закрывался и Дорохов снова оказывался в окружении серой действительности. Он все так же преподавал в школе, каждый день с головой окунался в дебри педагогических проблем. Все также был одинок, хотя время шло...

* * *

Как-то, вернувшись из отпуска, Дорохов, в тот же день встретился с Плетневым. Хот сообщал ему, что недавно женился и на поздравления лишь отмахнулся. Видно было, что это «мероприятие», как он выразился, радости большой ему не принесло. Тщательно скрываемый ранее скептицизм теперь как бы оголился и откровенно сквозил в каждом его выражении, в каждом слове. Когда же Дорохов осторожно поинтересовался, как зовут его жену и знает ли ее он, Дорохов, тот почему-то смутился и поспешил перевести разговор на другую тему. Дорохов это с удивлением отметил, но не придавал значения.

– Так куда ты все-таки пропал тогда, во время шторма? – Уже в который раз опять спросил Плетнев. Воспоминания, казалось бы забытые с поразительной ясностью вновь явились перед Дороховым. Не хотелось ему все рассказывать. Ох, как не хотелось. Язык, в таких случаях деревенел, внутри зарождался неосознанный страх и ему стоило невероятных усилий для поддержания подобного разговора.

– Никуда я не пропадал, сколько об этом можно говорить. Ты ведь помнишь какой тогда поднялся ветер?

– Конечно помню. Еще бы не помнить! Тогда такое поднялось...

– Я сам смутно все припоминаю. Тогда такая неразбериха была... и еще смерч.

– Вот-вот, как раз после прохождения смерча ты и пропал. Сколько я ни искал – паруса нигде не было видно. Я уже было подумал: не унес ли тебя смерч?

Дорохов потупился: господи, вот наказание! Когда он уже не будет приставать с расспросами! Ведь сколько времени прошло.

– Он прошел совсем рядом, сорвал парус и тут же бросил его возле швертбота.

– Ну, а потом что? – от недоверчивого взгляда Плетнева хотелось куда-то убежать.

– Мне удалось вытащить его из воды и...

– Я это уже слышал! Ты опять установил парус и при таком шторме вновь помчался по волнам. Чудеса какие-то, – Плетнев удивленно покачал головой.

Какое-то время молчал, что-то обдумывая.

– А знаешь, – внезапно сменил он тему разговора, – пока ты был в отпуске твоя бывшая подруга замуж вышла.

Дорохов равнодушно пожал плечами: он был так далек от всего этого, но все же поинтересовался:

– И кто же этот «счастливый» избранник?

Плетнев смущенно посмотрел на него.

– Ты никогда не согласишься...

Неясная догадка мелькнула у Дорохова. Он удивленно повернулся к нему.

– Уж не ты ли?!

– Угадал..., – тот явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Дорохов хотел рассмеяться, но видя в каком состоянии Плетнев – сдержался.

– Она что же, по гороскопу тебя вычислила? – с непроницаемым лицом спросил он.

– Да... после чего начала ходить за мной чуть ли не по пятам. Я сначала сопротивлялся, ну, а потом... знаешь, ведь жениться все равно когда-то надо будет, а тут, как говорится... – он не договорил и только махнул рукой.

– Везет же людям, – Дорохов насмешливо прищурился, но взглянув на Плетнева – посерьезнел. – Ну и как тебе с нею живется?

Тот молча отвернулся.

– Понятно... Ну ладно! Ты ведь знаешь, я только сегодня приехал и в школу еще не заходил. Как там? Все по-старому?

– Да не совсем. Я забыл тебе сказать: у нас пополнение в коллективе.

– И кто же? – у Дорохова почему-то перехватило дыхание и тупая боль отозвалась в сердце. Он с удивлением прислушался к себе: к чему бы это?

– Преподаватель истории...

– А Николай Митрофанович? Он ведь, насколько мне известно, собирался еще поработать.

– Верно, собирался, но в последнее время со здоровьем у него что-то неладно, сам знаешь – годы берут свое. Словом – уходит на пенсию. Говорит – не в силах уже.

– Так, ясно..., – Дорохов никак не мог отделаться от непонятого, тревожащего его чувства.

– Ну, а ты как отдохнул? Ездил куда?

– Да в принципе – никуда. В основном находился дома, у матери. Ты ведь был у нас, видел: сад, огород... Каждый день занимался так называемым активным отдыхом.

– Заговорился я с тобой, – Плетнев посмотрел на часы. – А меня дома ждут! Извини, мне пора, еще поговорим. Да! Чуть не забыл! Завтра с утра педсовет, так что не задерживайся.

Утреннее предосеннее солнце ласково смотрело в большие школьные окна. Дорохов быстро шел по длинному гулкому коридору и с досадой посматривал на часы. Он пока еще не опаздывал, но... по всей видимости все уже в сборе. Отсутствует только он. «Вставать надо раньше. И это в первый рабочий день после отпуска!». Дорохов поспешно распахнул дверь учительской и... замер, в упор встретившись взглядом с большими темно-серыми с чуть заметной прозеленью глазами, сидевшей неподалеку от двери молодой женщины. Иссиня-черные волосы тяжелой взблескивающей пеленой опускались на плечи и терялись где-то за спиной. «Учитель истории... Не может быть! Но... какое сходство!». В это время лицо женщины вдруг изменилось, совсем на короткое мгновение, но он успел заметить показавшуюся, словно сквозь приотворенную дверь, такую глубину радости, что ему стало не по себе. Он на секунду отвел глаза и только сейчас увидел всех остальных, с интересом наблюдавшим за ним. Он поздоровался и, извинившись за опоздание, присел на свободный стул. Мельком взглянул на нее: серьезное выражение лица, обыкновенный, даже какой-то отчужденный взгляд. «Может – показалось?» Нет! В этом он был твердо уверен. К тому же, в последнее время его все больше одолевало чувство, что уже скоро, очень скоро ожидается круговорот непонятных пока для него событий. Там потребуется его присутствие... И на этом пути он будет не одинок...

Успел!..

Еще одна история о любви

Рабочая смена подходила к концу и бригада, закончив производственное задание, устроилась на перекур. Сначала молчали, а потом, понемногу пошел разговор. О разном. У каждого свои дела, свои проблемы. Бригада была дружной и каждый старался поддержать друг друга советом или сочувствием. Люди были разного возраста: и молодые, и почти пенсионеры, потому и разговор был соответствующий. В ходе обсуждения всякого наболевшего, как-то незаметно все это сфокусировалось на одной теме. Извечной. Любовь.

И как это водится в большинстве мужских компаний – начались рассказы, воспоминания. Кто с кем, когда встречался. Как и при каких обстоятельствах в свое время женился. И какие препятствия, если они при этом были, пришлось преодолеть.

В ходе этих повествований незаметно образовалась, какая-то, теплая доверительная атмосфера. Воспоминания, казалось, уже позабытые, выплывали из глубины памяти и в каком-то, почти детском откровении лились из уст, завораживая слушателей.

Время летело незаметно. Почти каждый добавлял что-то свое к уже сказанному. Было и грустно и весело, в зависимости от сказанного. Потом образовалась пауза: каждый задумался о своем, сокровенном, навеянном создавшейся обстановкой...

И тут, не проронивший за все это время ни слова, лысоватый, грузный мужчина уже довольно таки немолодой, внезапно вскочил: «А я... а я... это самое... успел... на своей жениться!» И торжествующим взглядом обвел присутствующих.

Все в молчаливом недоумении повернулись к нему: как так «успел?». Потом кто-то все же нашелся: «У вас там что. Гонки по этому поводу были или состязание какое?»

Все засмеялись. Мужчина досадливо отмахнулся: вам все шуточки, а я говорю серьезно! Было это сравнительно давно. Тогда он учился в 10-м классе. После зимних каникул к ним в класс пришла новенькая Девчонка как девчонка, ничего примечательного. Но, что-то было в ней такое, что сразу, с первого взгляда потянуло к ней Он и сам не мог объяснить себе причины этого невольного притяжения. Может, просто, новый человек вызывает интерес, а потом, когда побольше узнаешь о нем, наступает успокоение, а то и разочарование. Так и в этом случае. Но, проходило время, а покоя не было.

Он ничем не выказывал своих чувств к ней. Продолжал держаться в отдалении, только внутри поселилось что-то новое, без названия – нечто, которое, как стрелка компаса на магнит, моментально реагировало на ее появление.

Все былые увлечения и занятия отодвинулись на второй план. Теперь жизнь его сконцентрировалась только на двух пунктах: в ее присутствии или без нее. Это походило на какое-то наваждение!

Сколько раз он порывался подойти к ней, поговорить, объясниться как-то... Но, это оставалось только в мечтах: проклятая застенчивость, как паутиной запеленала его, и находясь в этом невидимом коконе, не имея сил вырваться, он так и продолжал держаться на расстоянии от нее, ничего не подозревающей...

Шло время... Выпускные экзамены... выпускной вечер.. Все чувствовали себя уже вполне взрослыми и пытливно вглядывались в открывающуюся перед ними большую жизнь.

У него же отсчет времени оставался прежним: мечты, которые ни на шаг не приблизили

к ней. Он уже привык, притерпелся к этому своему состоянию, ставшему как бы неотъемлемой частью его самого. Он сжился с ним, как сживаются, к примеру, с неизлечимой болезнью.

Потом она пропала из поля его зрения: уехала куда-то поступать учиться. Он тоже сделал попытку, но не прошел по конкурсу. Начался призыв в армию. Он попал в Морфлот. В те времена в Морфлоте надо было отслужить четыре года.

Перед отправкой он попросил своего друга, бывшего одноклассника, с которым условились переписываться, писать также и о ней. Если тому, конечно, будет что-либо известно. О переживаниях своих не говорил ничего, а тот ни о чем не спрашивал. Только кивнул: раз просит человек – значит надо. Он был из числа тех товарищей, которые не надоедали и не пытались влезть в душу.

Началась служба. Кто служил – тот знает, что здесь, будь то в сухопутных войсках или в морфлоте: время ведет совсем иной, свой, особый отсчет. И никуда от этого не деться...

Вдали от родных мест, то нечто, что связывало с ней, как бы уснуло. И только иногда, в часы короткого досуга, все же напоминало о себе. Тогда в памяти всплывал ее образ. Неделями, а то и по месяцу оторванный от берега, он видел перед собой только воду да окружность горизонта. В громадной металлической посудине, именуемой боевым кораблем, одни и те же примелькавшиеся лица. Поэтому, в этой однообразной, подчиненной железному распорядку жизни, мысли о ней были тем далеким мерцающим лучиком, который незримой нитью связывал его с родными местами. Часто писал друг. Иногда проскакивали редкие весточки о ней: учится, приезжала домой, снова уехала и т. д.

После: вышла замуж, насколько он, друг, понял, за своего однокурсника. Для него это был ошеломляющий удар, по самому незащищенному, по самому больному месту! Все рухнуло! То нечто, которое еще теплилось в нем – пропало. Вместо него нам, внутри, образовалось болезненное место и как ноющая рана, не давало покоя ни днем ни ночью. Все стало ненужным.

Бессонными ночами стали приходить мысли о том, что он совсем лишний в этом мире. А если так, то зачем тянуть... Но, нашел таки силы взять себя в руки и заставить, именно, заставить себя продолжать жить. Привычная колея снова повела его дальше...

Где-то через год или полтора, снова сообщение о ней: развелась, бросила учебу, сейчас находится дома у своих родителей. Сначала он воспринял это безразлично, но, потом, через некоторое время, заметил: внутри все как бы оттаяло, боль ушла, но то, что жило в нем эти долгие годы, так и не давало о себе знать. Вместо него образовалось неприятное чувство пустоты, которую он ничем не мог заполнить. Она делала его спокойным, почти инертным и притупляла интерес к радостям жизни. Хотя много ли этих, так называемых радостей, у простого матроса на военном корабле? Шло время... Когда до конца службы оставалось чуть больше года, снова сообщение о ней: опять вышла замуж. На этот раз он отнесся к нему более спокойно. Только настроение несколько дней было никудашним. Часто приходили на ум отрезвляющие мысли: «Ну кто я ей? А она мне? Да я даже и не говорил ей о своих чувствах! Откуда она может что-то знать? Просто она живет своей жизнью. Надо было сразу как-то объясниться с ней и, может быть, не было бы всего того, что со мной происходит сейчас!» Умом он все это прекрасно понимал, а вот сердцем... И ничего с этим поделать не мог...

Пролетели годы службы. Он снова оказался дома. Встретился с товарищем, который ему все это время писал. Разговорились... Пошли воспоминания. И тут друг вспомнил о ней. Не задавал ему никаких вопросов: «Если тебя до сих пор это интересует, то она с недавних пор опять в разводе». У него от неожиданности перехватило дыхание. Долго молчал. Потом спросил: «И ни за кого пока не собирается?» Тот насмешливо пожал плечами: «Не знаю. Может два раза для нее пока достаточно? Нужна и передышка. А там соберется немного с силами, да и запланирует еще один замуж! Как ты считаешь?»

Но, он уже не слышал. Торопливо распрощался с удивленным таким оборотом дела товарищем и вышел на улицу. Долго бродил по городу, рассеянно поглядывая по сторонам: «Вернулся домой, а ничего не радуется. Все стало каким-то незнакомым, чужим, живущим своей обособленной жизнью. И всему этому наплевать, есть он тут или нет. Да не явись он сюда вообще, никто бы и не вспомнил! Кому он здесь нужен?! Надо что-то предпринимать, как-то устраивать свою жизнь. Надоело быть все время одному. Родители родителями, но ведь и о себе пора подумать...» И тут мысли снова вернулись к ней: «Что теперь мешает ее увидеть? Если уж быть честным до конца, с самим собой, то ничего, кроме его, мешающей ему свободно жить, застенчивости! Сколько горя и страданий она уже принесла! Так что же, снова все так и оставить? И опять прозябать в мучительной роли наблюдателя? Так удобней?.. Да в гробу он видел такие удобства! Нет! Надо ее все-таки как-то увидеть! Тем более, она сейчас в разводе. А может опять собирается замуж?» От этой догадки он похолодел: «Тогда не надо тянуть, надо постараться опередить события! Сколько можно терпеть!!» Его шаги замедлились. Он остановился и после минутного колебания решительно зашагал в сторону ее дома.

Дверь открыла она. Но вместо той девченки-одноклассницы, образ которой он пронес через все эти годы, перед ним стояла уже довольно таки зрелая, закаленная в жизненных неурядицах женщина. Узнав его, недоуменно пожала плечами, но войти разрешила. Из соседней комнаты с любопытством выглядывал мальчик лет около трех. Сын. Пригласила к столу, поставила чай. Вопросительно смотрела. Разговор вначале не клеился. Он мучительно подбирал слова и не знал, с чего начать. Но, вскоре, то, что долгие эти годы не давало покоя и мучительно зрело где-то внутри, наконец, как бы прорвало... Ничего не спрашивая о ее теперешнем семейном положении, начал говорить. Это продолжалось довольно долго. Все окружающее для него, в этот момент, не существовало. Он видел только ее. И говорил... говорил... Казалось, некая сила не могла его остановить. Говорил, начав с первой встречи в школе и до этого дня включительно... Она поняла его состояние и не перебивала. Ей уже приходилось сталкиваться с подобными вещами...

За окном уже стемнело, когда он замолчал. Молчала и она. Для нее это было большой неожиданностью. И только. В ее сердце, ожесточившемся после двух неудачных замужеств, не дрогнуло ничего. Появилось, правда, еще удивление: «Надо же! Ничего не сказал тогда в школе, а после, долгие годы мучиться от неразделенной любви? В наше время это такая редкость... Что же делать?» Некоторое время она мучительно размышляла: «И откуда он взялся? Вот незадача! Ну что с ним делать? Просто указать на дверь? Неудобно как-то. Да и жалко... вроде бы». Внезапно ее осенило: «Вообще-то, в ее теперешнем положении, трудно снова найти подходящую партию... так что выбирать не приходится. А тут... вот он, случай! Нет! Упускать не стоит. Кроме того, ребенку нужен отец, мужская рука. А он по всему видать, человек хороший». Она посмотрела на него, застывшего в мучительном ожидании «приговора» и про себя решила: «Раз человек страдает от неразделенной любви ко мне... что ж, так и быть, помогу разделить ее, а там... время покажет. Не впервые!» Помолчав еще какое-то время она тяжело вздохнула и сказав, что просто так сразу ответить не может – пригласила заходить почаще. Домой он летел как на крыльях. Тот груз, который на протяжении ряда лет мучительно давил его – пропал. Внутри все пело, а в голове, в такт биению сердца, билась одна единственная мысль, одно только слово: “УСПЕЛ!”

... Он перестал говорить и обвел взглядом всех нас. Все молчали. И молчание это было каким-то неловким. Никому, почему-то, не хотелось высказываться на этот счет. Тут как раз наступил конец смены. Все встали и не проронив ни слова разошлись.

Меня очень заинтересовала эта история, так непохожая на другие. Хотелось узнать: что же дальше?

На следующий день, на работе, выбрав удобный момент, подошел к нему:

– Ты не против, если я задам тебе пару вопросов по поводу вчерашней истории или рассказа?

– Какой истории ?

– Которую ты вчера под конец смены рассказал.

– А что тебя интересует, я ведь все рассказал, – он вопросительно посмотрел на меня.

– Ну, не совсем так. Ты просто перестал говорить и тут подошел, как раз конец смены. А вот, что же дальше? Вы поженились? Счастливая семья... у вас, наверное дети уже взрослые?

Он посмотрел на меня, потом, видимо что-то припоминая, нахмурился:

– Видишь ли, в жизни все так не просто. Дело в том... – он замялся, – в общем, дело в том, что мы с нею уже давно не живем вместе.

– Как! – я опешил. – Но, ведь ты такое рассказывал...

– Правильно! Я рассказал вам случай из моей далекой юности. О том, как я совершил ошибку, которую, как я не раз потом убеждался, допускает большинство. Не зная человека, его внутреннего мира, я полюбил ее образ и наделил его всеми теми качествами, которые хотел бы видеть в ней. Годами я носил в душе этот фантом, этот призрак и был уверен, что живой человек такой же. А на деле оказалось совсем, совсем иначе... Но, это уже другая история... А чтобы полностью удовлетворить твой интерес, добавлю еще, что вскоре, после того как мы с нею рас-стались, мне встретилась другая женщина и вот как раз с нею у нас уже взрослые дети.

– Ну, ладно, – он улыбнулся и шутливо, хлопнул меня по плечу, – нечего стоять. Давай работать!

Джерело: □ Белый В. На дорогах земных и небесных [Текст] / Белый В.

Переведення в електронний вигляд: Мирончук М.С

На нашому сайті Ви маєте змогу ознайомитися з творами письменників та поетів Нікополя:

- [Нікополь літературний](#)

[У разі використання матеріалів цього сайту активне посилання на сайт обов'язкове](#)